

Световая составляющая произведений Лидии Сычёвой сильна, ибо все рассказы звучат музыкой надежды.

Она исследует именно души, через внешние образы — по-другому на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли, не получится. Лютуют ленты строк Сычёвой, заставляют, плотно затканные письменами жизни, сострадать и улыбаться, чувствовать глубже обычного, замирать от нежных вибраций особо запоминающихся фраз — чутких, как поэзия.

Согретые любовью тихие ритмы её повествований благотворно облучают душу. Струны совести звенят.

НА ПРЕЗЕНТАЦИЮ сборника "Горькие слёзы" Ольгу затасали знакомый пиарщик Виталий. "Приходите, — упрямивал он, — пресса очень нужна! Поддержите православного писателя Тишаева".

В давние времена Ольга сотрудничала с церковным изданием. Опыт был интересным: божьи люди могли, например, заказать статью и забыть о ней. На претензии, что потрачены время и силы, отвечали, что трудиться надо "во славу Господа".

Но Виталий очень просил выручить. И она обещала; правда, нетвёрдо.

Ольга сильно опоздала — на работе, как назло, образовался аврал — пришла, когда "торжественная часть" закончилась и народ повалил в свод-



Стрелы памяти сулят душевную кровь. Верные и честные побеждают.

Женская психология тонко трепещет, множество нюансов подчёркивают сложность оной; но то, что побеждают верные и честные, вселяет надежду. Пусть взлетают прозрачные шары оптимизма.

Лидия Сычёва творит свой мир: пространный, в нём свободно дышится; её мир, влияющий в читательское сердце, обогатит и укрепит его.

И мёд жизни станет отчётливее — сколь бы не претендовала на первенство полынь.

Александр БАЛТИН

ВСТРЕЧАЯ ГОД ЛОШАДИ

Рассказ

чатый подвал старинного особняка на банкет.

— Помолимся! — скромно сказал пунцовый от волнения Виталий.

Народ чинно перекрестился. Стали садиться, двигая тяжёлые деревянные стулья.

Банкетом распорядился высокий, статный мужчина в дорогом костюме, в рубашке с выпущенным воротом.

Стол был постный — среда.

После первых чествований ладный малый в косоворотке спел "Быон над водой" и "Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам".

За столом было много мужиков с лицами охранников, казаков в форменной одежде, людей в штатском с хорошей выправкой. "Галёрка", где сидела Ольга, угрюмо пила, угрюмо закусывала и не отличалась православным смирением. Рефрен скупых высказываний был в стиле "проторговали страну!" и т. п.

После пятого или шестого тоста слово взял Виталий:

— Год Лошади наступает, и я хочу пожелать всем нам...

Православные за центральным столом зашикали на него:

— Какой год Лошади! Это язычество!

— Я знаю, — не сдавался Виталий, — но всё равно, я родился в год Лошади, это мой год...

— Овёс тогда жуй! Хомут надевай! — православные требовали от упорствующего Виталия чистоты веры.

— Кто это? — спросила Ольга у своего соседа, вислоусого казака в вышиванке, указывая на представительного распорядителя.

Казац усмехнулся:

— Мы все зовём его "дядя Ваня".

Ольга дождалась, когда выпили за трудолюбие лошади, чтобы она "пахала и пахала" на благо Отечества, не падая в борозде, и подошла к "дяде Ване":

— Вы приняли такое деятельное участие в презентации "Горьких слёз". Вы уже знакомы с этой книгой?

— Нет, я только Евангелие читаю.

— Не похоже, что только Евангелие, — не удержалась Ольга.

Дядю Ваню внезапно понесло:

— Я работаю в газовой корпорации, руководю одной из "дочек". Живу в Барвихе. А за жену свою я кого хочешь могу убить.

— Да? — удивилась Ольга такой агрессии (вот тебе и чтение Евангелия!).

— Так и сказал своим друзьям: убою!.. Не посмотрю, кто вы, что вы. Правда, Дарья?

Жена-красавица (южнорусский тип), зрелая дама в собольиной горжетке, покорно улыбнулась.

— Народ у нас разный собирает-ся, сами видите, — продолжал дядя

— А книг я не читаю. Пусть другие трудятся — пишут, читают. А я — нет. От книг смущение в душе, вроде как в трамвае едешь.

— А вы в мерседесе любите.

— Да! — взревел дядя Ваня, — и это крест мой, если хочешь! Легко не грешить, когда у тебя ничего нет, никаких соблазнов! Гол как сокол. Трусые да лифчик. А тут гора денег, попробуй её собори!

— Мои болезнования, — усмехнулась Ольга.

— Все мысли про них, окаянных. Как сберечь, как детям передать? Внукам. — забубнил дядя Ваня.

— Крепкая семья — наша традиционная ценность, — напомнила Ольга.

— Зубоскалить, ёрничать много ума не надо! — огрызнулся дядя Ваня. — А у меня кругом шакальё голодное бегаёт, зубами клацаёт. Санкции, опять же, будь они неладны.

— Тут надо выбирать: либо деньги, либо Россия, — вырвалось у Ольги "Ой! Сейчас он меня звезданёт по физиономии — и все дела".

Дядя Ваня тяжело устоялся на ноё. Глазки его, подёрнутые серой мутью, будто ловили фокус, борясь с алкогольным безумием.

— Вали отсюда.

— Спасибо за интервью.

ВИТАЛИЙ, пылая румянцем, провожал её до гардероба.

— Спасибо, что пришла, главное, книга хорошая, проникновенная. Почитай. Автор — православный.

— Да-да. Не согрейшишь — не покаешься, каков поп — таков и приход, всяк сверчок — знай свой шесток и т. п.

— Не язви, пожалуйста! Мы — люди маленькие, наше дело — не ухудшать карму!

Под звуки нестройной песни, доносящейся из застолья ("Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", пощады никто не желает..."), Ольга вышла в морозную московскую ночь. Вечер удался! И с эпитарием пообщалась, и за честь Отчихи посражалась. Вместо распиленного атомохода. Во внутренних водах, так сказать.

Книгу Тишаева, роскошно изданную, на мелованной бумаге, Ольга на следующий день передала Люсе-бухгалтеру. Та сказала, что читает только детективы, но знает, кому отдать: у неё есть знакомый батюшка, ему будет приятно, тем более что "вещь новая, в товарном состоянии".

Лидия СЫЧЁВА

ОТ РЕДАКЦИИ:
У прекрасного писателя, друга нашей газеты Лидии Сычёвой юбилей. Многая и благая лета, дорогая Лидия Андреевна!

СОВРЕМЕННЫЙ МИР слишком велик и сложен, чтобы им можно было управлять из единого центра. Капитализм — это некий треугольник: капитал — государство — надгосударственные структуры. Что с ним происходит на рубеже XX—XXI веков? Капитал превращается постепенно в нечто другое — в информационные платформы, где контролируется уже не овеществлённый труд, а информационные потоки и поведение человека, социальные связи. Государство с 80-х годов прошлого века слабее, а если так, то вместе с ним и надгосударственные структуры утрачивают своё значение. В этой ситуации наиболее активные сегменты капитала, госбюрократии и надгосударственных структур начали очень тесно контактировать между собой и создали некий кластер. Его не совсем точно называют "дипстейт" ("глубинное государство"). Почему не совсем точно? Государство — это формализованная структура, а данный кластер — структура неформальная, хотя и устойчивая. Эти активные сегменты используют государство в своих целях: как ширму и как средство. То есть это некий "Чужой" (если вы помните одноимённый голливудский фильм) в оболочке государства. Но рано или поздно он эти оболочки прорвёт и проявит себя как реальная форма организации власти в посткапиталистическом обществе, которая станет отрицанием и государства, и надгосударственных структур, и многих других форм управления обществом. То есть мы сегодня видим рождение принципиально новой посткапиталистической, постгосударственной формы, причём катализатором процессов её формирования выступают прежде всего спецслужбы, стремительно обретающие автономию, необходимую для создания такой системы власти.

Кстати, в этом отношении на выходе из эпохи модерна отчасти повторяется ситуация входа в неё. Ещё в XVI веке была обозначена некая особенность английской системы управления. В отличие от Франции, немецких земель, Испании, Португалии, в Англии государство было функциональным отстроктом тогдашних спецслужб — так исторически сложилось. И в этой системе, которая в течение XVI—XVII столетий развивалась в Англии (после объединения с Шотландией в 1707 году страна стала называться Великобританией), — так вот, в этой английской, британской триаде "корона — Сити — спецслужбы" само государство в узком смысле этого слова являлось младшим партнёром такой глубинной власти, которая всегда была наднациональной. И, я думаю, есть некая закономерность в том, что эпоха модерна и капитализма, собственно, начавшись в Англии, завершается процессами и явлениями, которые были порождены там же, — глубинной властью. Современный мир — это разные кластеры элиты, это глубинная власть, это кое-что, оставшееся от наднациональных структур, это в целом такая мозаика. Она очень сложная, потому что старый мир умирает или даже почти умер, новый только рождается, и эти элементы старого и нового вступают в весьма запутанные отношения между собой — отношения как борьбы, так и симбиоза. Поэтому современному исследователю мировых процессов, с одной стороны, есть где разгуляться, потому что панорама просто захватывающая, а с другой стороны, традиционные методы и подходы к анализу мировой власти не срабатывают, потому что прежние объекты исчезли, и нужно создавать новые дисциплины, которые будут исследовать ранее не существовавшие взаимодействия.

В самом общем плане посткапиталистический мир будет отличаться от капиталистического тем, что объект присвоения станет принципиально иным. Дело в том, что в каждой социальной системе есть объект присвоения. В рабовладельческой системе — это тело раба, в феодальной — это земля, при капитализме это овеществлённый труд. Но и у рабовладения, и у феодализма, и у капитализма есть общее: главный объект присвоения остаётся вещественным. Невещественные факторы — это социальное поведение, потребности человека и информационные потоки. Хозяевами посткапиталистического общества будут те, кто контролирует эти неведественные факторы.

Что касается национальных государств, то они возникают вместе с капитализмом и в условиях посткапитализма, естественно, должны как-то модифицироваться. Вопрос в том, в каком направлении они будут меняться. В глобальном мире национальному государству очень сложно существовать. Оно должно принять какие-то новые формы. И здесь очень многое будет зависеть от того, какую позицию займёт правящий слой, элита, насколько они будут отождествлять себя с населением государства. Потому что с точки зрения ультраглобалистов никаких национальных интересов просто не существует. Вот атлантиские элиты Западной Европы — люди удивляются, как они могут так себя вести в ущерб своим национальным государствам? Так Евросоюз — это не национальное государство. Это наследник Третьего рейха, и национальные государственные интересы там совершенно никого не волнуют!

ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ ранней фазы любого нового общества, новой системы, то она отличается от предыдущей двумя вещами. Во-первых, это, как правило, значительно более жёсткий социальный контроль, а во-вторых, это снижение стандартов потребления для основной массы населения. Именно это наблюдалось на ранней стадии капитализма, потому что степень жёсткости верхов по отношению к низам в XVI—XVIII веках была значительно большей, чем при феодализме, ну и уровня потребления середины XVI века основная масса населения смогла достичь только к концу XIX — началу XX столетия. То есть возникновение любой новой социальной системы — это очень серьёзное испытание. И здесь многое зависит от того, насколько люди смогут сопротивляться формированию этого нового людоеда, какое количество зубов они у него вырвут в процессе возникновения этого нового общества. Особенно в этом отношении могут сопротивляться крупные государства с большими территориями, значительным демографическим потенциалом и мощными историческими традициями. То есть одно дело, когда транснациональная корпорация приходит, условно говоря, в Коста-Рику, Шри-Ланку или какую-нибудь африканскую страну, другое дело — когда эта транснациональная корпорация и ультраглобалисты сталкиваются с Китаем, Россией или даже Ираном. Иран — вовсе не сверхдержава уровня Китая или России, но даже он показал, что может сопротивляться, и вполне успешно, по сути, загнав Соединённые Штаты в тупик.

О НОВОМ РАБСТВЕ

Из выступления в «День-центре»

Перекойка мира началась с разрушения Советского Союза и агрессии Запада против Югославии. Затем — Ирак, Афганистан, но это была своего рода пристрелка. Реальная борьба за макрозональность началась, как мне представляется, с сирийского конфликта, затем она продолжилась кампанией ковида, затем — конфликт в Восточной Европе, и сейчас вот — Иран. Процесс слома старого мира направляется теми, кто хочет стать хозяевами мира нового. Какова, например, логика в действиях тех же Соединённых Штатов? Они убирают объективных союзников России и Китая. Это Венесуэла, это Иран, но вот на Иране они споткнулись, и я думаю, вполне может случиться так, что иранская авантюра окажется последней такой глобальной операцией США, после которой они сконцентрируются на своём полушарии, поскольку одно дело — прибрать к рукам Венесуэлу или попытаться прибрать к рукам, скажем, Кубу, а другое дело — сцепиться с Ираном: это, во-первых, далеко от Америки, а во-вторых, за ним — Россия и Китай.

Что же касается новых макрозонов будущего мира, то здесь в наилучшем положении оказываются Соединённые Штаты, потому что у них под боком — Латинская Америка, и они многие процессы там контролируют. Безусловно, своя макрозона уже вырисовывается у Китайской Народной Республики. Но очень серьёзные проблемы по поводу макрозонов — и у Великобритании, и у Евросоюза. Именно поэтому они сейчас так истерят, бряцают оружием и пытаются возродить свой потенциал с помощью военно-промышленного комплекса и военных действий. То есть если США и Китай уже так или иначе обеспечили себе макрозоны, хотя американцы пытаются сделать всё, чтобы максимально ослабить китайскую сферу влияния, то в остальной части мира по этому поводу идут нарастающие конфликты. Повторю, что поскольку у Западной Европы и Великобритании позиции здесь очень слабые, им нужна или война, или очень остроконфликтная ситуация. У Великобритании вообще аховое состояние экономики, и ей нужно удержаться на плаву любой ценой. У "единой Европы" и Великобритания позиции сходятся не во всём, но против России они совпадают полностью, по этому поводу никаких иллюзий иметь не нужно. Но здесь есть ещё одна заинтересованная сторона. Те же Соединённые Штаты Америки заинтересованы в максимальном обострении отношений между Европой и Россией, чтобы они в результате конфликта между собой оказались взаимно ослаблены — вплоть до того, что Европа полностью станет придатком США, а Россия не сможет оказать Китаю существенной помощи в противоборстве с Америкой. Поэтому, думаю, американцы сейчас будут делать всё, чтобы провоцировать конфликт между Европой и Россией; при этом себя они пытаются позиционировать как миротворца, как "доброго полицейского", но на деле их интерес заключается в поддержании и раздувании данного противостояния.

Частью российской макрозоны может стать Восточная Европа. Объективно это и является содержанием Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Если Восточная Европа войдёт в нашу макрозону, то дела Европы совсем плохи. Северная Африка не может стать частью европейской макрозоны, потому что там уже присутствуют и американцы, и китайцы. Логично предположить, что с уходом Советского Союза исчез и главный балансир послевоенного двухполюсного мира. При этом ослабла и гегемония самих США: они уже не могут контролировать все процессы современного мира, поэтому конфликты происходят всё чаще, а ситуация и внешне, и на деле оборачивается всё большим хаосом. Хаос — это всегда фаза перехода от одной системы к другой, но вопрос в том, какой порядок родится из этого хаоса, кто и в какой мере будет этот порядок контролировать. У нынешнего хаоса, на мой взгляд, два источника.

Первый заключается в том, что действительно, ломается и уходит в прошлое капиталистический мир, а хозяева этого мира хотят сохранить свои позиции и в новом, посткапиталистическом, мире. Но, судя по всему, посткапиталистический мир не предполагает такого количества элиты, такого количества правящих групп, которое произвёл мир позднего капитализма. Поэтому в мире западных элит идёт борьба ещё и за то, кто кого вытолкнет. Скажем, во второй половине XX века была элита американско-западноевропейская. И понятно, что, поскольку сегодня Западную Европу

лектуалами), который сразу же поставил себе задачу — нулевой экономический рост. Этот процесс так и двигался: снижались темпы производства, падала производительность труда. Но обратите внимание на то, что все отмеченные нами технологические новации — компьютер, мобильный телефон и интернет — направлены на усиление и ужесточение механизмов социального контроля над человеком.

НО ИСТОРИЯ показывает, что новые социальные системы не возникают таким образом, что вот, пришли "новички" и всё поменяли. В 1848 году Маркс и Энгельс возмущались тем, что буржуазия в Европе — в частности, во Франции, в Центральной Европе — пошла на компромисс с землевладельцами-аристократами. Но дело в том, что, по-видимому, так всегда и бывает: речь неизбежно пойдёт об определённых компромиссах. И если мы вспомним, что от феодализма к капитализму было три разных типа перехода, три модели: английский, французская и немецкая, — то можно предположить, что из капитализма к посткапитализму типов перехода окажется не меньше, а возможно даже и больше, чем от феодализма к капитализму, и они между собой будут вступать в достаточно серьёзные конкурентные взаимоотношения. Но мы сейчас, повторю, находимся в той стадии, когда прошлый миропорядок почти полностью разрушен, а новый только оформляется, причём старое и новое переплетаются между собой в почти невероятных, на вид порой даже в крайне уродливых сочетаниях, и, с точки зрения исследователей, это потрясающе интересный момент, здесь очень важно разработать принципиально новые дисциплины, которые анализируют новый мир, потому что традиционные социология, политология и экономическая наука отражают реалии прошлого мира, который почти умер.

Нынешний кризис капитализма носит системный характер и в этом отношении сопоставим прежде



Поздравляем нашего автора и друга Андрея Ильича Фурсова, директора Института системно-стратегического анализа, постоянного члена Изборского клуба, с 75-летием. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов и научных достижений!

Изборский клуб, коллективы редакции газеты «Завтра» и телеканала «День»

вытесняют из ядра бывлой капиталистической системы на периферию системы посткапиталистической, должен измениться и статус её элит. То есть борьба идёт за то, кто кого отсечёт от будущего, и большие рыбы пожарят малых.

Второй источник — сложнее. Давайте посмотрим на основные новации нашей цивилизации последних десятилетий: персональный компьютер, мобильный телефон и интернет. Их технические, технологические основы относятся ещё к 30–40-м годам XX века. Сейчас доказанно можно считать тот факт, что в 1960–1970-е годы и западная верхушка, и советская номенклатура совершенно сознательно приостановили и научно-технический, и промышленно-экономический прогресс, поскольку дальнейшее бесконтрольное его продолжение вело бы к появлению таких социальных групп — так называемых технократов, — которые могли бы бросить вызов и советским партократам внутри СССР, и капиталистическим элитам на Западе. Неслучайно в конце 1960-х годов был создан Римский клуб (учреждённый западноевропейскими, американскими и советскими интел-

всего с системным кризисом феодализма в XV—XVI веках, а также с эпохой крушения Римской империи. Последний вариант сопоставления интересен ещё и наличием этического перехода. То, что мы видим в современной Европе, напоминает эпоху Великого переселения народов. Но если тогда на место центров античной цивилизации пришли белые варварские племена, то сейчас перемены намного более радикальны и фундаментальны. Сейчас в Европу массово переселяются люди из Африки, с Ближнего Востока и из других азиатских стран — в результате меняется этнокультурное и религиозное лицо континента. Причём происходит это на фоне попыток изменить саму биологическую природу человека, чего не было ни в эпоху системного кризиса феодализма XV—XVI веков, ни тем более в эпоху Великого переселения народов почти тысячелетием ранее. Поэтому сейчас нам особенно важно оставаться людьми, а не превращаться в стадо организмов, над которыми будут совершаться различные манипуляции.

Андрей ФУРСОВ